
АНАТОЛИЙ СТЕРЛИКОВ

ИОРДАНЬ НА ТАЛОМ РУЧЬЕ

(Из книги "Забывшие страны и урочища")

1

Встал почти в шесть. Как обычно, с полчаса разминался в дровянике: пил-колол березовые чурбаки. После чего позавтракал тремя кружками клюквенного киселя, сваренного накануне, и отправился в лес. Пройдя какое-то расстояние по накатанной самосвалами дороге, свернул в чащобу и направился к Вой-ручью.

Утро сегодня прохладное, тихое. Солнце играет. Высоко в небе лохматые облака плывут. Нельзя сказать, что они обещают дождь, но все же их многовато скопилось. Пусть уж лучше будет так, как сейчас – тихо и солнечно. Среди чащоб, наполненных зеленым майским светом, шумит Ошта – река, впадающая в Петровский канал вблизи Вознесенья, истоки которой также находятся в Ленинградской области. А сама река стремится к Онеге по лесам Вытегорщины – там, где они сохранились. Ну и, разумеется, птицы пересвистываются-перекликаются. Настойчивее других привлекает к себе внимание неведомая мне птаха, издающая легко воспроизводимую человеческим голосом простенькую мелодию: "Чи-ви-у! Чи-ви-у!"

Сегодня почему-то не рокошет безостановочно экскаватор лесозаготовителей, расковырявший в долине реки огромный котлован. А коли это землеройное чудовище, давно выработавшее свой советский ресурс, прыскающее по сторонам маслом, изрыгающее гарь и смрад, перестало двигаться, то не воют и груженные гравием КраЗы, изнуренные трудом десятилетий.

В природе благодать, ликование, и в душе – радость и покой. Иду бодро, и в начале десятого – я уже у березы с наростами чаги, которую я, разумеется, снял, пустив в дело финский нож. Во-первых, чага лечебна и полезна для здоровья. А, во-вторых, теперь, когда хорошего чаю в Оште не купить (в пачках с изображениями восточных принцесс – какие-то "окурки"), оказывается, чага – превосходная заварка. Во всяком случае, натуральный продукт. Ну, конечно, к чаге надо привыкнуть. Есть люди, которые не признают не только чагу, но и другие настои – допустим, с малиной, черносмородиновым листом, мятой...

Что касается меня, то я к череде, мяте и вишневым побегам приучен с детства. Помню, мать бросала в котел с кипятком пучки трав (или вишневые побеги) по той простой причине, что на рыбацком становище на берегах Чу-реки в далеком родном Семиречье просто не было "фабричного" чаю. Впрочем, иногда мать добавляла череду и мяту "для вкуса".

А здесь вот, в деревне Курвошский Погост, пью чагу. Нет нужды взбадриваться с помощью кофе или крепкого чая, если работаешь в огороде или

бродишь по лесу в поисках святого источника. Попил клюквенного киселя или “лесного чая” из котелка у прозрачного *глазника* среди мхов болотных – и снова бодр.

Правда, ныне я уже не могу совсем обходиться без заварки. Провозишься с мережами на Ур-озере, нахлопаешься в холодной воде, а потом отмахнешь километров десять по лесной просеке, – как тут не соблазниться заморским чаем? А то, бывает, присаживаюсь на часик-другой к столу, на котором пылятся пожелтевшие от солнца черновики очерков и рассказов. Тут уж без крепкого чая не обойтись. Особенно после обеда.

Надо заметить, давешняя береза с чагой была *нагляжена*, то есть примечена, еще вчера, когда я бродил по руслу Вой-ручья, приняв его за Талый. Между тем как Вой-ручей – обыкновенный лесной ручей с чистой, но темной по цвету водой, таких тут множество. Он, конечно же, впадает в Ошту. Я пришел к истоку Вой-ручья и обнаружил, что все ручейки, питающие его, образуются на заболоченном склоне горы, где нет никаких родников, а есть лишь мокрые луговины да ярко-зеленые мхи с россыпью жемчужно отливающих капель. Сейчас весна – Вой-ручей шумит, клокочет, а там, где на пути его торчат каменные преграды, – даже и *воет*. Летом же он чуть струится, а бывает и так, что в русле его видишь только сухой песок да потеющие камни.

Но не слишком ли далеко я ушел в сторону от реки? Уже и шума ее не слышно? Надо все же поглядывать если не на компас, то на солнышко. А то ведь можно и заблудиться в этих чащобах прибрежных, местами непроходимых, где все перемешано: осина, береза, ольха, черемуха (и всё это перемито медвежьим хмелем), а местами – самые настоящие *пехняги* – непроходимый ельник. Но кое-где и сосновые борки шумят, тихо рокочут, всевластный “Онегалеспром” еще не извел лес под корень, хотя всё к этому идет...

2

Примерно четверть часа я брел от березы с чагой по заболоченному редколесью и снова вышел к ручью, разительно отличавшемуся от Вой-ручья и тех ручейков, которые встречались на моем пути вчера и сегодня. Прежде всего тем, что вода в нем была не темная, а совершенно прозрачная, *белая*, как говорят жители деревни. Русло ручья врезано не глубоко, потоки не подрезают берег, струятся по камням, лаская слух переливчатым пением и звоном.

Вот что мне на днях рассказала баба Катя – Екатерина Михайловна Костылева, владелица избы, в которой я располагаюсь, когда приезжаю в деревню (а сама хозяйка живет у дочери в Оште):

– На Талом вода никогда не замерзает. Ты сходи-ка туда зимой, увидишь, что не вру. Даже в самые сильные морозы не замерзает. Только парит все время, от чего красивые забереги образуются. В солнечный день – так прямо красота Господня. Там вот и был *иордан*. В Духов день со всей окрестности народ собирался на иордан. Не только из Курвошей приходили на иордан. Из Миронова приходили, с Климшинской горы, с Ермаковщины приходили. Да ты не записывай, этих деревень теперь нет. После погружения креста брали в иордане воду – углы в доме кропить, личико новорожденному мыть от сглазу... А как наберем воды – некоторые девки и бабы прыгали в иордан прямо в одеждах. Баба Лиза Климшина из деревни Климшино, что на Климшинской горе, обычно пример подавала... А потом активисты в Курвошах комедить стали. Бога ниспровергать стали, из часовни жертвенные деньги выгребать стали...

– Коммунисты, верно... – попытался я прокомментировать прошлое, но баба Катя, поняв меня с полуслова, сурово остановила.

– Не ври! Каки там коммунисты! Их тогда у нас и в заводе не было! Активисты, говорю тебе, из молодежи комедили. А коммунисты у нас уже после войны появились. Некоторые мужики с фронта коммунистами пришли, колхоз поднимали...

Успокоившись, Екатерина Михайловна продолжила:

– А потом, как батюшки не стало, иордан и закрылся. Но еще долго обычай сам по себе соблюдался, мы и без батюшки ходили на иордан. Обычай этот в наших краях и доныне соблюдается: на Смоленскую на Мегру-реку при-

езжают. Приезжают, берут святую воду из реки, купаются и денежку бросают. Зять мне рассказывал. Значит, все так делают, как мы когда-то на Талом.

Но, возможно, нынешнему русскому обывателю, пребывающему в антиправославной среде, необходимо напомнить, что Духов день – память о сошествии Святого Духа на другой день после Пятидесятницы (Троицы) – престольный праздник не в числах. Между прочим, праздник, весьма почитаемый всюду, где только жив русский человек: и тут, в деревне Курвошский Погост, и на хуторе Карабугут, у подошвы сыпучего бархана в Семиречье, где я родился. Только там, в Семиречье, мы на Троицу хаты украшали не березовыми ветками, а зелеными прутьями талы – пахучей семиреченской ивы. Подобные объяснения и напоминания совершенно нелишние, а то уже многие люди, называя себя православными, тем не менее считают, что Рождество наступает 25 декабря, а ханука – чуть ли не забытый народный праздник, который теперь всюду в России возрождается. Это ли не плоды электронного просвещения! В моем родном Карабугуте, на границе двух пустынь, твердо знали, что сочиво (каша из зерен пшеницы) на стол можно ставить только после появления звезды-вечерницы шестого января (понятно – по новому стилю), а *рождествовать* (обходить родных и знакомых с рождественским псалмом) на рассвете седьмого. Это знали и верующие, и пионеры, и комсомольцы в Семиречье. А теперь радио- и телеголоса, начиная со второй половины декабря, или назойливо напоминают об иудейской хануке, или приглашают “отмечать Рождество два раза в году”, от чего у людей голова идет кругом.

Однако же вернемся на берега Талого ручья. Упоминание о часовне и иордане – священной купели – я слышал в рассказах разных людей. Но, оказывается, подобные купели на особо почитаемых, *местнотимых источниках*, как писали в древнерусских летописях, были не на Талом только, о чем еще будет речь.

Автор пронзительного поэтического “Слова о гибели русской земли” восклицает: “О светло светлая и красно украшенная земля русская! Многими красотами дивишь ты – озерами многими, дивишь ты реками и *источниками местнотимыми*...” (курсив мой. – **А. С.**)

Читая этот и другие памятники, убеждаешься, что даже тогда на Руси, изобильной прекрасными чистыми озерами и реками, родники и криницы считали народным, национальным достоянием, порчу их врагами, осквернение, если это случалось, ставили в один ряд с другими злодеяниями. И вот я задаю себе вопрос: “А сохранились ли чистые, некогда чтимые источники теперь? В каком они состоянии?”

Бывая в различных сторонах Отечества, непременно расспрашиваю про колодцы, родники. Некоторые из них даже обследовал, потратив на это изрядно времени, что, конечно же, отвлекало от литературной работы. Ты ищешь в лесах Прионежья никому не нужной, сгнившей до основания сруб купели или часовни, стоявшей над источником, а твой коллега в это время “лопатит” криминальный или антикоммунистический роман про генерала Владова со скоростью десять-пятнадцать страниц в день...

Но пора вернуться на лесную тропу. Но где она, эта тропа? Нивы и пожни, которые когда-то тянулись по обеим сторонам реки Ошты и до колхозов, и после колхозов, позарастали, превратились в непроходимое *чернолесье*... Чувствую, не просто будет отыскать ручей в этих непроходимых прибрежных чащах.

Разумеется, баба Катя не могла быть проводником. Не изъявили желания идти к Талому и последние жители Курвошского Погоста – ни Эхов Николай Михайлович, ни дедка Шаня из ближайшей Кардонги, матершинник и богохульник. Старики эти все еще бодрятся, по деревне ходят без батожка, но дай им Бог управиться с овечками... Да искать какой-то ручей в лесу – стоящее ли дело; бродить по заболоченным лесным чащобам, где, известно, весной топко и мокро, спотыкаться о корни и трухляки, – чего ради? Вот если бы я попросил, допустим, помочь установить заколы к мережам на реке или показать тетеревиный ток в ближайшем бору, пожалуй, кто и согласился – в этом ведь есть какой-то смысл... Ну, а вообще-то деревенского пенсионера на своем дворе всегда ждет какая-то работа: овец напоить, дров накопить, воды хозяйке на тачке с родника привезти, грядочку вскопать под морковь и чеснок. А кроме того, есть и заказы: взрослые дети-горожане просят сплести кошель для ягод и грибов, а внуки и правнуки – смастерить салазки, чтобы было на чем с горы кататься на зимних каникулах...

Отмерив сто пятьдесят шагов от берега Ошты вдоль ручья, обнаруживаю то, что хотел увидеть — остатки сруба. Вернее, нижний венец его, покрытый дерниной и мхом. Но что это? Иордань или часовня? Нет, часовню тут ставить было бы неразумно. Русло Талого ручья широкое, значит, у него, как сказал бы гидролог, большая пропускная способность. Надо полагать, вешние воды Талого во время бурного снеготаяния все сметают на своем пути. Скорее всего, я вижу остатки иордани. И дедка Шаня уверял меня, что часовня находилась в стороне от ручья, стояла под шатрами огромных елей.

Но если это купель, то почему она на левом берегу ручья, а не на правом? Дедка-богохульник говорил совершенно определенно:

— Иордан смотри, не переходя через Талый. А часовню тебе не найти. Ее Игнашка с места нахождения уволок с *робятами*, со своими дружками. Еще при мне дело было, значит, до войны, до того, как меня в тюрьму за недостачу муки на складе в Мегре... А то как же, правильно сделали, надо же было попу отомстить за старое. Больно строг был. Бывало, зайдешь к нему, забудешь картуз снять и лоб перекрестить — уж и губы наставит. Да потом еще и от родителей подзатыльник получишь. Вредной поп был. И ведь уже при советской власти робят наказывали за попа... Ну, так запомни: от иордана, может, еще найдешь како гнило бревно, а часовни и в помине нет: ее впоследствии, кажется, для какого-то дела разобрали военные. Тут, на берегу реки, во время войны истребительный батальон стоял. Но врать не буду, точно не скажу, куда делась часовня. Меня она никак не касалась...

Судя по всему, эти остатки сруба под слоем мха и дерна и есть та купель, которую наполняли в Духов день. Ее «местонахождение» — полтора шага от устья и на уресе ручья, — а также и размер сруба (два на пять метров) совершенно сходятся с записями в блокноте, которые я сделал со слов дедки Шани. А ему верить можно: вернувшись из лагеря здоровым и невредимым (в то время как два его брата погибли на фронте), он до самой пенсии трудился лесником, а эта работа вырабатывает у людей привычку к точности и обстоятельности в пояснениях и описаниях.

...Потыкал концом палки в середине и по углам «сруба» — что-то твердое. Причем палка уходила в дерн примерно на одинаковую глубину — приблизительно на четверть. Выяснить, что там, подо мхом, не стал. Пошел вверх по ручью, заваленному тут и там полусгнившими *валежинами* — еще целыми стволами упавших деревьев. Да еще кусты, еловые *выворотни*, непролазная черемуха. А кое-где и карабкался в гору — Талый струится по распадку, разделяющему две поросшие лесом *горы*. Но надо сразу сказать, что все тутошние «горы» суть холмы или гряды холмов — крутобокие, высокие, но все же холмы.

Чистые источники ныне большая редкость. Именно поэтому я и рассказываю о Талом так подробно, хотя, может, это и непростительное легкомыслие. А ну как хлынет сюда народ, и не только из Вытегры и Вознесенья — из Вологды, Петербурга, Петрозаводска?..

Пока же на берегах Талого ручья не видно ни следов человеческих (медвежьих есть), ни признаков человеческой деятельности. Разумеется, бревнышки под слоем дерна в полутора шагах от реки я в расчёт не беру.

Может, этот ручей в таком первозданном виде сохранился как раз благодаря забвению. Я не однажды убеждался, что в наше время природная среда вокруг известных источников рано или поздно уничтожается, изменяется совершенно: ближайшие луга вытаптываются, рощи и боры вырубаются; появляются канавы, дороги-подъезды, различные строения, что, в свою очередь, неизбежно ведет к порче или гибели ключей и родников. Но и без ухода источник может со временем заглохнуть, заилиться, а берега — заболотиться. Забегая вперед, скажу, что некоторые ключи Талого все же нуждаются в том, чтобы человек приглядывал за ними. Прежде — и приглядывали. Говорят, церковный сторож, охраняющий часовню и купель, чистил родники, убирал упавшие деревья, сплавлял их вниз по ручью. У него тут и *пожня* была,

то есть покос – своего рода сельская льгота за выполнение общественных обязанностей. Это сейчас все осинкой да кустарником заросло да болотным кочкарником покрылось, а тогда кругом тут были *нивы*, *пожни*, *запольки*, словом, приречные земли обихаживали, обрабатывали. Так было и при Ленине–Сталине, и при Алексее Михайловиче, царе Тишайшем, и в более отдаленные времена – Ивана Грозного, который, как о том свидетельствуют “писцовые книги”, повелел реку Ошту с лесами и угодьями *взять в опришнину*. Уж не знаю, откуда узнал Грозный (или его дьяки) про речушку, которую летом переходят вброд (наверное, и тогда переходили), во всяком случае – не Волхов, не Свирь, не Паша, не Оять...

Я задаю себе вопрос: когда же в нашем Отечестве утвердилось святотатственное отношение к природе? И прихожу к мысли: конечно же, еще до появления известного призыва не ждать милостей от природы. Иван Владимирович Мичурин тут вообще ни при чем. Он был вечным тружеником, хорошим садоводом, наблюдательным естественником, народным академиком. Попытался выразить свои взгляды на проблему “человек – природа” в духе своего времени...

Но вернемся в деревню Курвошский Погост. Однажды после водосвятия деревенский парень Игнашка выставил раму в часовне и выгреб скудную медь прихожан. А часовенку каким-то образом, наверное, с помощью лошадей уволокли с “места нахождения” в лесную глушь. Теперь уж мне никто не скажет – для какой надобности.

Вижу прямую связь между поруганием народных святынь и последовавшим за этим варварским разрушением природы. Святой источник? Святая вода? Выдумки попов, обманывающих народ ради корысти... Примерно так рассуждает и дедка Шаня, который в юности (еще до лагеря) любил читать яростные прокламации Емельяна Ярославского (Губельмана), редактировавшего антиправославный, в сущности, антирусский журнал “Безбожник”, который был закрыт в 1941 году.

Ну а если все можно рушить и осквернять, то что же хорошего можно ожидать от людей? Удивительно ли, что святотатственный нигилизм, проявившийся в уничтожении купелей и часовен над родниками, по берегам ручьев, – а это ведь, как правило, истоки рек, питающие великие и малые реки и озера Северо-Запада, срединной России, – позднее распространился и на всю природу. Я твердо убежден, что все, что происходит в обществе, – следствие падения нравственных идеалов и устоев уже в конце XIX века, и в этом повинны отнюдь не большевики, на которых теперь всё валят. Уважаемые мои оппоненты! Да почитайте же вы внимательно хотя бы биографические повести Алексея Ремизова! Вот уж кто большевиком не был, между тем кое в чем и Губельману-Ярославскому до него далеко.

Тут я хочу сказать вот что: уничтожать, разбазаривать свое богатство люди могут лишь в том случае, если они в душах своих вытравили трепетное отношение к святым источникам, к заповедным борам и урочищам. И если они видят только “лесопокрытую территорию”, пригодную лишь для извлечения прибыли, для непомерной наживы.

Вот так, рассуждая про себя или присаживаясь на еловый выворотень, чтобы сделать какие-то записи в блокнот, я пришел (правильнее сказать – пробрался) к верховьям Талого. Пришел туда, где все пространство покрыто ярко-зелеными подушками мшгаги, на которых и в жаркий июльский полдень всегда блестят жемчужные капли влаги, и по крутым склонам, покрытым мхом и лесной подстилкой, петляет десятка два чистых ручейков. Соединившись в распадке, вымощенном плоскими оглаженными камнями, они становятся Талым ручьем. Тут я с удовольствием попил родниковой воды и принялся за работу – расковырял острым концом батожка жерло источника, очистил камешки от ила. Также очистил излучины руслица от ила, палой листвы и различных наносов. И вот ручеек заклокотал громче, запел звонче, напор воды увеличился, заилившиеся бочажки промылись, освежились.

Склоны, где бьют ключи, можно сказать, сухие. То есть это не мокрые ручейники, как, например, у истоков обычных лесных ручьев (вспомним Войручей), где почва, покрытая мхами или болотными травами, сочится, выдавливая за каплей каплю, что служит явным свидетельством близкой водяной жилы. Не совсем, конечно, сухие, но сейчас ведь только начало мая, снег в лесу сошел недавно, а в некоторых местах и лежит еще – в ямах и овраж-

ках под сенью елей, непроницаемых для лучей солнца. И что любопытно: над каждым родником, бьющим среди замшелых песчаников, огромные осины серыми колоннами возвышаются. Непременно осины, а не березы, не ели, к примеру, и уж ни в коем случае не сосны. Да такие мощные деревья, что запрокинешь голову и видишь голые безлистные вершины в небесах, корягами плывущими среди облаков. Есть, конечно, в распадке и березы, и ели. И даже клёны и липы вижу, которые тоже удивляют меня своими большими размерами – некоторые в комле значительно толще руки человеческой... Для тех, кто привык видеть клёны и липовые аллеи в парках, скверах и садах Питера, Пушкина и Павловска, удивление автора “большими размерами” может показаться странным. Но не забудем, что мы находимся на Вытегорщине, а здесь клёны и липы представлены тонкими худосочными деревцами, вроде березок на картинах Левитана. В наших лесах клен и липа присутствуют лишь как ботанические виды, притом редко встречающиеся.

... Склоны-то сухие, а вот играют ключи, рождающие Талый ручей. Впрочем, недалеко отсюда я чуть было не утонул на пологом склоне, где бьет родник, исторгающий железистую ржавчато-красную воду с запахом и привкусом минералки. Цвет такой, что возникает впечатление, будто там, в толще горы, – бездонная емкость с раствором охры. И что любопытно: рыжий ручей, соединившись с Талым, не изменяет его цвета – вода чуть ниже по течению совершенно прозрачная.

Заболоченный склон, мощный ключ... Странное соседство слов, не правда ли? Но это так на первый взгляд. А между тем ключи среди моховых болот – не редкость. Во всяком случае, среди мхов Прионежья встречаются *глазники* – так здесь называют “колодцы”, прикрытые слоем мшины и дерна, питаемые первородными ключами.

Ну а со мной случилось вот что. По пути к самым верхним истокам Талого ручья мне пришлось в голову расчистить сухой жердью Ржавый ключ (назовем его так), который клочкотал среди ядовито-зеленых, с охристыми подпалинами моховых кочек. Я шагнул поближе к источнику и увяз в искрасна-ржавчатой жиже. Сначала увяз по колено, потом провалился по пояс, а ноги при этом не находили опоры... Хорошо, что в руках была крепкая еловая жердь! Положил ее на кочки, отжался, дотянулся до ветвей толстой старой черемухи, расчехнувшейся над злополучным местом. Думал, ключ бьет среди камней, но попал в колодец с ледяной водой, который как бы замаскирован моховыми кочками.

Выбравшись на обломившийся ствол черемухи, лежавший среди мхов, я первым делом засунул в колодец палку и увидел, что она ушла на всю двухметровую глубину.

У Ржавого ключа я задержался часа на полтора – пришлось разжечь костерок и сушить портянки, носки и одежду. Куртка и штаны, по мере высыхания, покрылись охристыми разводами, становились похожими на робу де-сантника.

5

Спустившись вниз по ручью, я и тут нашел себе работу: орудуя острым концом еловой жерди, попытался снять дерн. Но ничего не получилось: мох-то я скovyрнул, а дерн остался. А саперной лопаты или обыкновенного заступа у меня не было, конечно. Отбросив жердь, я принялся руками рвать переплетенные корни, чтобы содрать дерн. Иногда пускал в дело и нож.

Поковырявшись таким образом в земле, я вскрыл черные плахи, сплоченные весьма основательно. Со стороны, где купель омывалась ручьем, я увидел бревнышко: оно было такое же черное, как и плахи. Я вошел в ручей и ухватился за острый обломанный его конец. Но большая часть бревна была замурована глинисто-песчаными наносами. Поднатужившись, я снова стал дергать бревно; расщепив его конец, я увидел чистую, непорченную, желтую, как масло, древесину.

Но почему все же купель на левом берегу, а не на правом, как в том меня убежали курвошане? Как она переместилась на левый берег? Или старики что-то напутали?

Покружив вокруг остатков сруба, я обнаружил среди елей и берез старицу, наполненную стоячей (талой) водой. Видимо, ручей в минувшие десяти-

летия промыл, разработал рукав-отводок, с помощью которого когда-то наполнялась иордань-купель, в результате чего природная излучина превратилась в старицу.

Место, где стояла часовня, не нашел. Но мог бы показать дорогу к другим источникам на Вытегорщине, над которыми ставились часовни.

Не знаю, сколько верующих нынче в Оште, в Кардонге и Курвошах, вместе взятых. Не думаю, что много. Но почти все жители, с которыми мне доводилось вести беседы за самоваром, осуждают тех, кто когда-то святотатствовал, спиливал кресты, рушил маковки храмов, раскатывал часовни; порицают и тех, кто и нынче, ради мелкой корысти или огромной наживы, продолжает *комедить*, уничтожает вековые (до двухсот-трехсот лет) сосновые и еловые боры, которые следует считать памятниками природы. Не оставляют в покое и остовы старых храмов – нынешние местные “предприниматели” выдрали двойные оконные рамы со стеклами, якобы для теплиц. Михаил Николаевич Киршев, 80-летний ветеран-коммунист из Курвошей, прямо называет прохвостами тех, кто принялся *рыть* (то есть рушить) сруб бывшей церкви в деревне. Между прочим, он в советское время не только не был разрушен, но содержался в хорошем состоянии, хотя и без куполов и крестов. Его во время войны пытался поджечь финский спецназ, но местные жители – старики и дети – погасили огонь.

По этому поводу у меня был разговор с неким Пластининым, местным лесозаготовителем, который, по моим сведениям (может, и не вполне достоверным), помог вывезти в Ошту выдранные рамы. “Между прочим, бывший Троицкий храм – памятник деревянного зодчества девятнадцатого века – значится в списке памятников выдающегося архитектора-реставратора Ополонникова, подлежащих восстановлению”, – заявил я однажды Пластинину, желая произвести на него впечатление. А он мне ответил такими словами: “Памятник охраняется государством?.. Тогда в чем дело? Теперь все разрешено, что не запрещено законом. Это при коммунистах всё было по понятиям, а сейчас – всё по закону... По мне, так я бы давно карьер на погосте открыл, чтобы дорогу гравием подсыпать. Да вот администрация пока не разрешает. Говорят: церковь, кладбище... А что церковь, если верующих нет?! Если кости истлевшие в земле... А и тех, кто недавно похоронен, я бы на своем транспорте перевез на оштинское кладбище...”

Странно и горько слышать такие слова. И ведь Пластинин – не варяг пришлый, местный житель, и, может, здесь его детям и внукам жить... Но, пожалуй, есть логика в том, что такие слова говорит Пластинин. Человека лишили корней, и ему уже ничего не жалко; ради дешевизны стройматериала, ради прибыли, наживы, в конечном счете (известно, лес везет не машина, а дорога), он ни погоста не пожалеет, ни храмины древней... К сожалению, не смог я привлечь к бывшему Троицкому храму в деревне внимание и православных батюшек. Один из них, отец Владимир, почитаемый среди питерских казаков за особое благочестие, сказал мне без обиняков: “Я буду кадиллом махать, а на меня голуби или галки будут помет капать...”. Я никогда не видел православного батюшку в селе Оште или в деревне, зато не считают за труд приезжать сюда из Вытегры и Финляндии “пасторы” каких-то непонятных конфессий, которые старательно и настойчиво окормляют потомков вепсов и новгородских первопроходцев (то есть православное население) уже не меньше пятнадцати лет. И местная администрация им оказывает всяческое содействие, да как же: *духовное возрождение!* Однако я отвлекся...

Мы еще только начинаем осмысливать место и роль православия в воспитании бережного, трепетного отношения к природе, к земле. Мне кажется, слишком рано и слишком поспешно мы удалились от культа предков, который, несомненно, сохранялся еще со времен дохристианских, праязыческих и который тысячу лет назад был облагорожен, вознесен к горным высотам Русским православием. Местнотимые источники – не только объект культового обряда; они – зримый нравственный идеал и, если хотите, часть экологического воспитания людей.

Добрые люди! Вы, наверное, свои трудовые (или вынужденные) отпуска проводите среди природы. Обнаружив источник (бывая в лесу, странствуя по равнинам и лесистым холмогорьям, где когда-то гнездились деревни, вы непременно обнаружите источник), попытайтесь узнать его прежнее название, поинтересуйтесь его прошлым. Если есть время, попытайтесь восстановить

его. Ведь известные *местночитимые источники* (и безымянные тоже) – своеобразные памятники природы. А кроме того, они (подчеркну это еще раз) питают Ладугу и Онегу, Свирь и Волхов, другие большие и малые реки и озера. Я понимаю, что воссоздать, восстановить источник в прежнем виде – с часовней и купелью – не так-то просто, тут нужно быть строителем-реставратором, каким был, например, великий русский подвижник Александр Викторович Ополовников, восстанавливавший памятники древнего деревянного зодчества. Но очистить источник от ила и хлама или заменить подгнившие венцы незатейливого сруба способен каждый мужчина, умеющий держать в руках лопату и топор. И это для многих из нас – единственная возможность приобщиться к благородной борьбе за экологическую безопасность, за сохранение среды обитания русского человека. Ведь уважающий себя русский человек не пойдет в “зеленую партию” или в “гринпис”, в программах которых на главном месте – защита “сексуальных меньшинств” (то есть извращенцев) и “религиозных меньшинств” (то есть сект).

Преобразите трудом источники, осените их крестом, если вы верующий; или же не будучи таковым – окропите, оросите их трудовым потом. И всем воздастся сторицей, всем, творящим добро. И для матушки Природы будет благо великое, ибо чистые струи освежат многострадальные реки России...

... Выйдя из леса и поднявшись на погост, где возвышался бесхозный, совершенно забытый крещёным миром полуразрушенный храм, я остановился. Был дивный молитвенный вечер, долгий-долгий, такой долгий, что казалось, сумерки не наступят и ночи не будет. Янтарный свет струился по ближайшим лесистым холмогорьям, покрытым розоватыми и фиолетовыми полосами, по бархатистым сочно-зеленым пожням. А самые дальние, темно-синие холмы истаивали в дымке.